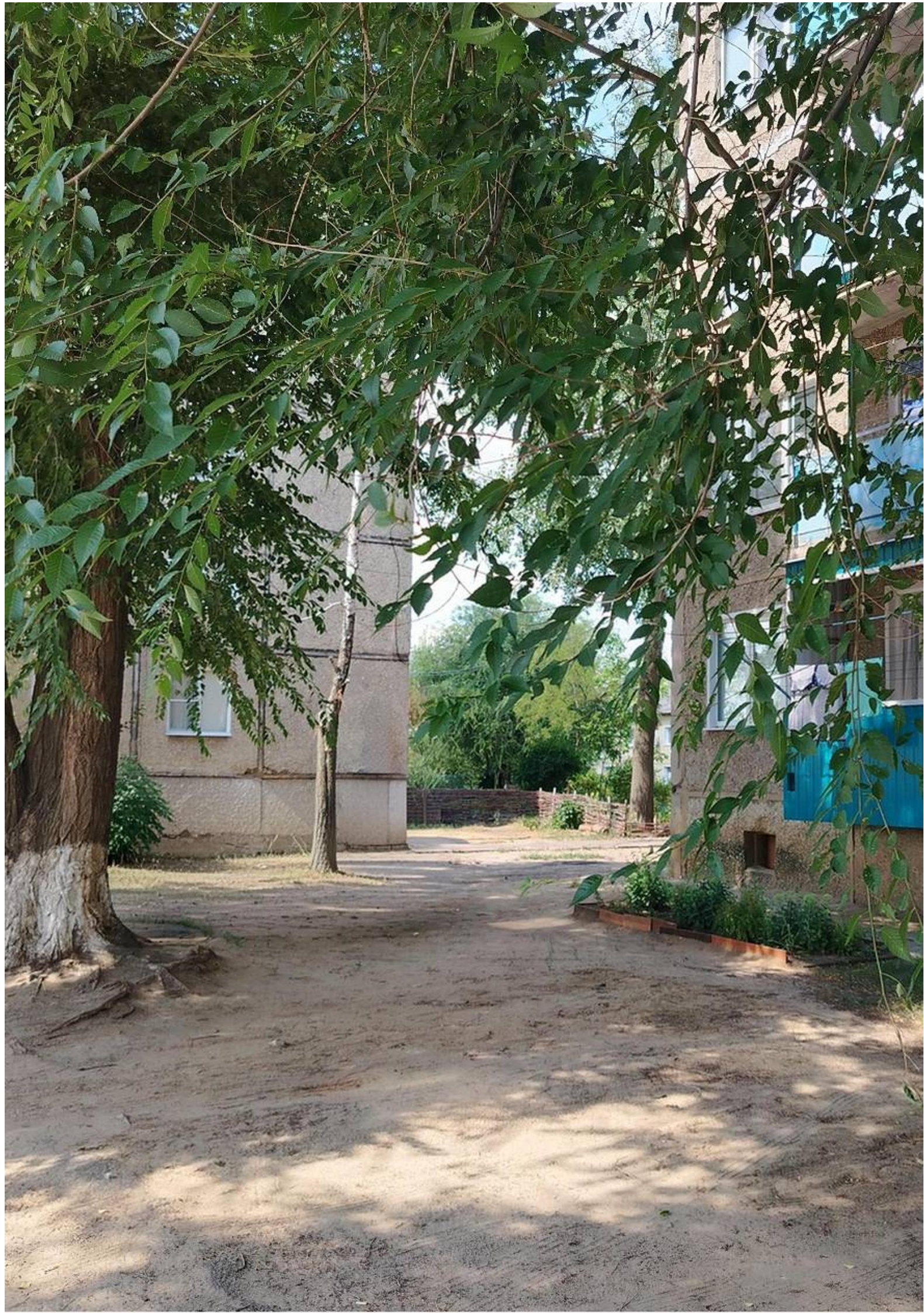

Люба Палкина

Друг

«Автор»

2026

Палкина Л.

Друг / Л. Палкина — «Автор», 2026

Ибрик и Абрик - лучшие друзья ещё с первого класса. Живут мальчики в забытом городишке, расположенном неподалеку от завода по производству стекла. Радости, горести, победы и поражения они разделяют вместе, как самые настоящие братья. Но в один день Ибрик узнаёт, что из-за ухудшение состояния здоровья товарищу необходимо переехать и навсегда расстаться с прошлым. Другам предстоит провести последнее лето вместе.

© Палкина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Люба Палкина

Друг

Глава

Эта книга – благодарность Богу за то, что я не живу в городишке.

Сорок восьмая

...Ибрик нёсся по улице Стоматологов, как заряженная радиоактивным топливом ракета. Свежий поток воздуха приятно обдувал его лицо. Сквозь деревья и дома быстро мелькало приятно припекающее солнце.

Ибрик бежал, и по бокам от него пролетали бело-синие панельки¹, окружённые тюльпанами и бархатцами. В их окнах виднелись старые кружевные тюли. С их балконов свешивались разноцветные простынки и полотенца. У поржавевших подъездных дверей в поисках еды толпились кошки. На васильковых лавках ворковали бабушки в аляпистых платках и халатах.

Весь городок, где жил Ибрик, состоял именно из множества таких панелек. Все они были до одурения похожи и различались только бледными номерами на стенах. А их дворы и подавно отличались только цветами на клумбах. Однако мальчик был точно уверен: если ему завязать глаза и покрутить вокруг себя раз тридцать, он всё равно найдёт дорогу к дому, школе или местному ларьку с мороженым.

Потеряться надолго в этом городишке было невозможно и с открытыми глазами. Бело-синие панельки образовывали всего четыре улицы. А дойдя до их края, можно быстро выйти из городка и пешком по бесконечному шоссе потопать до соседнего. Такого же мелкого, ненужного и неизвестного.

Неподалёку от городишка громоздились жуткие заводские трубы, из которых шесть дней в неделю тонкой стройкой тянулся дым. Территория завода по производству стекла по ощущениям была гораздо больше городка.

Сегодня на заводе был выходной, поэтому воздух был на редкость чистый.

Ибрик свернул на соседнюю улицу – Зоотехническую. Осталось совсем немного.

Ибрик в очередной раз убежал из дома, чтобы не видеть родителей.

Родители у мальчика были весьма неплохие: сын был сыт, одет, обут и имел деньги на мороженое и сок. Они не пропадали месяцами на вахтах, как это было у некоторых одноклассников Ибрика, и наоборот, не сидели целыми днями дома. Можно сказать, что они даже были хорошими родителями. Пока не начинали пить.

Нет, к мальчику вовсе не применяли насилие, как можно было подумать. Ну или почти не применяли – от всего плохого заботливый детский мозг себя старался как можно сильнее избавить. Однако каждый раз, когда Ибрик видел у мамы или папы бутылку, то просто убегал. Убегал на соседнюю улицу, к своему другу Абрику.

На календаре было первое июня – День Защиты Детей. Любящие Ибрика родители, конечно же, решили это отпраздновать. И позвали в квартиру своих друзей, которых бабушка Ибрика почему-то всегда укоризненно называла «собутыльниками». Мальчик, услышав режущий уши звон стекла, тут же стал надевать кроссовки. «Снова уходишь?» - спросила его мать. Тот ничего не ответил, и поспешно завязав шнурки, попрощался и выбежал из квартиры. «Мы будем пить за тебя.» - раздалось ему в спину. Ибрик лишь поморщился. Каждый раз он переживал, что в один момент мать, отец или кто-то из «собутыльников» преградят ему дорогу

¹ Панельные дома

и закроют дверь не только на цепочку, но и на засов, который маленький мальчик не сможет отодвинуть. Однако взрослые всегда его отпускали. Наверное, они всё прекрасно понимали.

И вот Ибрик снова бежал, откинув кудрявые волосы назад, на Зоотехническую улицу, в пятый дом, на третий этаж и в сорок восьмую квартиру. К Абрику.

Абрик имел для мальчика большое значение – был единственным близким человеком, не считая бабушку Фатиму. С Абриком Ибрик был знаком с самых яслей. Позже они пошли в один первый класс и там стали лучшими друзьями. Что горе, что радость – всё они разделяли исключительно вместе и ничего друг от друга не скрывали. Абрик был Ибрику не просто другом, а самым настоящим братом. А сорок восьмая квартира в пятом доме Зоотехнической улицы – место, где его ждали даже больше, чем в собственном доме.

Звонить в домофон не пришлось – старая дверь оказалась закрыта не до конца. Поздоровавшись с консьержкой, Ибрик буквально взлетел по лестнице сразу на третий этаж, и подойдя к заветной двери, нажал на затёртую кнопку звонка.

С той стороны двери послышались шаги.

- Кто? – раздался приглушённый голос Абрика.

- Я! – ответил Ибрик.

Цепочка звякнула, и кожаная дверь медленно отворилась, показав на стоящего на пороге друга. Было видно, что он проснулся недавно – глаза мальчика ещё не открылись до конца, чёрная шевелюра была устремлена вверх, да и одет он был в свою ярко-синюю пижаму.

- Всё дрыхнешь? Уже двенадцать! – удивился Ибрик.

- Ну да... - зевнул друг, - наконец-то можно отоспаться!

Какое-то время мальчики молча смотрели друг на друга: Ибрик – на грязном и разломанном кафеле лестничной клетки, а Абрик – у себя в квартире, на мягком пушистом коврик.

- Ну ты это... проходи... - наконец произнёс второй и отошёл от входа, - у меня как раз мама завтрак готовит.

Ибрик принялся: с кухни отчетливо раздавался приятный запах жареных яиц. Хотя мальчик уже позавтракал хлопьями с молоком, он вдруг снова проголодался.

Когда Ибрик снимал кроссовки, Абрик закрыл дверь на цепочку. Мальчики прошли на кухню по маленькому коридору, обклеенному персиковыми обоями, как и вся квартира. Абрик, отодвинув деревянную занавеску, объявил:

- Mam! Тут Ибрик пришёл!

Тётя Мира, худая смугловатая женщина с чёрной косой, отвернулась от газовой плиты и радостно воскликнула:

- Ибрагим! Мы уже успели по тебе соскучиться! Сходи помой руки! А ты, Абрик – приведи себя в порядок!

Ибрик знал, где в сорок восьмой квартире находится ванная, однако был не против сопровождения Абрика.

- А где ты был эти три дня? – спросил товарищ, расчёсывая волосы, когда Ибрик мылил руки над чугунной раковиной.

- У бабушки Фатимы двадцать девятого был юбилей. – задумчиво ответил Ибрик.

- Класс! И сколько лет?

- Восемьдесят девять.

- Чего? – вдруг возразил Абрик. - Юбилей – только те цифры, которые на ноль кончаются!

- Отчего же? Каждый год – юбилей! – настоял на своём Ибрик, смывая мыло с рук.

- А я говорю, что только с нулём!

Ибрик посмотрел в забрызганное водой зеркало и увидел там себя и своего друга. В очередной раз задумался, почему их часто путают взрослые. Вот же – они совершенно разные! У него – кудрявая каштановая шевелюра, а у Абрика – просто лохматая, да и к тому же чёрная, как сажа. Ибрик, по сравнению с Абриком – чуточку бледнее. Носы у них тоже были разные

– у Ибрика – совсем не примечательный, зато у Абрика – прегорбатеиший. А ещё Ибрик был на три сантиметра выше товарища и очень гордился этим.

Единственное, чем мальчики были похожи, так это тем, что у обоих вместо глаз были чёрные хитро блестящие бусинки.

- Ма-а-ам! – уже на кухне протянул Абрик, - а юбилейный возраст же тот, что на ноль заканчивается?

Мальчики уже сидели за круглым столом у окна. Перед ними на клетчатой скатерти стояли тарелки с надписью: «Подологический санаторий» - их неожиданно в сорок восьмую принесла тётя Абрика. На подоконнике стояла открытка, которую мальчику, как и всем его ровесникам, выдали десять дней назад на выпускном. На ней красовался желтоволосый прилизанный мальчик с коричневым дипломатом и огромная надпись: «Будущему шестикласснику!». Многие дети, когда получили эту открытку, хихикали, в то время, как их родители стали вспоминать своё детство и плакать. Тётя Мира, по словам Абрика, не была исключением.

- Конечно! – отозвалась мама, - и ещё тот, что на пятёрку. А что?

- Да так... - промямлил Абрик и перевёл взгляд, в котором читалась радость от победы, на товарища.

Ибрик закатил глаза и показал другу фигу. Однако внутри признал поражение.

Наконец на тарелку перед Ибриком аккуратно сползла с деревянной лопатки ярко-жёлтая глазунья. Тётя Мира поставила на стол деревянные баночки с солью и перцем и произнесла:

- Приятного, мальчики. А я к тёте Саре за бигудями.

Мама вышла из кухни. Друзья начали с аппетитным азартом пылесосить тарелки.

Когда щелкнул замок входной двери, Абрик вдруг заговорил:

- Ибр, мы ведь с тобой друзья?

От неожиданности Ибрик подавился яичницей. Товарищ в срочном порядке налил ему воду в гранёный стакан, произведенный на местном заводе, как и многая посуда в панельках.

Откашлявшись, кудрявый мальчик кивнул.

- Ну так вот... - продолжил Абрик, - мы должны быть честны друг с другом.

Ибрик напрягся, но второй раз уже не подавился.

- Я не понимаю, ты не хочешь со мной дружить? – перебил друга он.

- Нет! – чуть ли не вскрикнул Абрик, - Просто я кое-что хотел рассказать...

- Так тебе всё-таки нравится Жанка Куфельд!?

- Дурак что-ли!? – теперь уже крикнул товарищ, - у меня серьёзный разговор...

Ибрик вновь напрягся и замолчал, ожидая серьёзного разговора.

- Те три дня, пока тебя не было... - начал Абрик, - мы тогда ездили в другой город. Я был у врача.

- Ну?

- Он сказал, что состояние моих лёгких ухудшилось. И нам лучше... «сменить место жительства».

Ибрик сначала не понял, что сказал его товарищ.

- Чего? – мальчик почесал кудрявый затылок.

- Наш городок, как сказал врач, отравлен заводом. Скоро мне придётся отсюда уехать.

- Навсегда?

- Навсегда.

Эти слова острыми иглами воткнулись Ибрику в сердце. Он серьёзно посмотрел на друга, чтобы убедиться, не врёт ли тот. Чёрные бусинки смотрели на него как никогда серьёзно.

Ибрик взглянул в окно: тёплое солнце, всё это время слушавшее их разговор, вдруг скрылось. Обои и вся мебель на кухне сразу потускнели. Даже одно представление о том, что Абрика здесь больше не будет, жутко напугало Ибрика. Это что же... У него больше не будет друга!?

- Ну нет! – воскликнул Ибрик, - здесь же растут деревья!

- Есть куча место, где воздух гораздо чище. – ответил Абрик, - и вдобавок, они ближе к городам.

- А наш город – уже не город? – с нотой злости произнёс товарищ.

- Да разве у нас город? – чуть ли не крикнул Абрик, - четыре улицы всего! Его даже городишкой не назовешь!

В этот момент, когда товарищи раздражённо сжали кулаки, вечная дружба могла бы прекратиться, но Ибрик одумался и тихо спросил:

- Когда ты уезжаешь?

- В конце лета.

- Может, есть возможность остаться? – задал глупый вопрос Ибрик.

Абрик какое-то время просто смотрел на друга, а потом почему-то кивнул. Ему не хотелось врать товарищу, но он будто бы сам в тот момент поверил, что может остаться.

Ибрик облегчённо выдохнул. Ну вот и всё. Надежда есть.

- Тебе станет лучше.

Друг пожал плечами.

Замок входной двери вновь щелкнул. Абрик принялся доедать глазунью. Однако Ибрику кусок в горло больше не лез.

Мальчик попрощался с товарищем и вернувшейся тётей Мирой и направился к выходу. Абрик устремился за ним.

- Ты что, обиделся?

- Вовсе нет. – ответил тот, надевая кроссовки, - просто нужно всё обдумать.

Выйдя из подъезда, Ибрик понял, что идти ему некуда. Дома – пьянка, к бабушке – тоже не вариант, расстраивать не хочется.

О ногу мальчика вдруг потёрся чёрно-белый кот и куда-то пошёл, задрвав хвост трубой. От нечего делать Ибрик направился за ним. Так он и прошатался по городу до самого вечера, в сотый раз проходя все четыре улицы.

Нужно привыкать к жизни без Абрика...

Озolina

...Её мальчики встретили, когда шли по улице Стоматологов к ларьку с мороженым, сжимая по двадцать рублей в руках. У неё были две короткие и тонкие светлые косички, худые руки и ноги и необычные для городишка васильковые глаза. Алина Озolina.

Она училась с Ибриком и Абриком в одном классе. Девочка была олицетворением стабильности жизни: какой бы месяц ни стоял на дворе, та всё время пошмыгивала своим остреньким носом.

Её отец был одним из тех, кто работал на стекольном заводе и получал достаточно, поэтому у девочки имелись красивые ручки и тетрадки, однако они вовсе не прививали ей любовь к учебе. На уроках девочка редко что-то записывала: чаще всего она задумчиво глядела в окно, на струящиеся по небу серые дымки, либо же рисовала. Рисовала огрызком карандаша на задней стороне очередной тетрадки. Рисовала своих учителей, одноклассников, а иногда даже каких-то вымышленных животных.

Алину пробовали отдавать в пришкольный художественный кружок несколько раз, однако во все попытки девочку оттуда выдворяли. Юная творческая душа не хотела старательно строить кубы и шары, а уж штриховать их тем более. Она хотела рисовать человеческие лица, и делала это. Порой даже специально подходила к случайным прохожим. Возможно, получалось не совсем похоже, но многие взрослые были растроганы Алиниными стараниями и хвалили рисунки.

Ибрик, по словам Абрика, «втрескался» в неё с первого взгляда – с начала четвёртого класса, когда девочка перевелась в их класс из параллели.

Сейчас мальчики видели её в огромной жёлтой, как солнце, футболке и серых джинсовых шортах. В худых руках, как обычно, были карандаш и огромный блокнот. Она шла им навстречу.

- Смотри! – прошептал Абрик, локтем ткнув товарища под ребро, - Озолина!

Ибрик вздрогнул и опустил взгляд в серый асфальт.

- Привет, Озолина! – громко поздоровался Абрик, когда их с девочкой разделяло пару метров.

- Юшкевич! Авин! Привет! – девочка остановилась, шмыгнула носом и оглядела двух товарищей.

- Привет, Озолина... - поздоровался с асфальтом Ибрик.

- Куда идёте? – заправив косичку за ухо, спросила одноклассница.

- За мороженым к бабе Присе. – ответил Абрик.

Девочка начала усердно рыться в кармане своих шорт. Она вытащила оттуда пуговицы, фантики, кусочки листьев и брелок с единорогом. Гордо показала последний предмет мальчишкам:

- Прямо перед моим падиком² валялся. В шестом с ним гонять буду.

Затем, вздохнув, сложила всё обратно и начала обыскивать второй карман.

Наконец её худые пальцы выловили оттуда две жёлтые монетки.

- Я с вами. – объявила Алина, шмыгнув носом.

Абрик пожал плечами, а Ибрик так и смотрел в асфальт.

Солнце тёплыми лучами гладило детей по мягким волосам.

Вскоре трое подошли к облезлому деревянному ларьку, стеклянные окна которого были залеплены разноцветными картинками мороженого, которое здесь никогда не продавалось и не будет продаваться. Окошко для самой торговли было завешено ярко-розовым полотенцем.

- Баба Прися! – Абрик постучал по заплёванному стеклу.

- Абрам, не ори! – отозвался скрипучий голос изнутри ларька, - Какое будете?

- Ванильное. – ответил Абрик.

- Шоколадное. – сказал Ибрик.

- А у вас нет случайно... - задумалась Алина, - манго-маракуйи!?

- Чего?

Мальчики переглянулись и усмехнулись.

- Что? – не поняла Алина, - нам дядя из города привозил. Мне очень понравилось.

- Из города? – переспросила старушка.

- Из города!

Розовое полотенце вдруг пропало, и трое увидели ярко-красную оправу очков бабы Приси.

- Озолина, ты с Луны свалилась? Здесь тебе не город! У нас – только шоколадное, ванильное и клубничное!

- Ну тогда давайте клубничное... - сдалась Алина, - а манго-маракуйя когда-нибудь будет?

- Не когда, а где. – ответила старушка.

Алина и Ибрик передали деньги Абрику, тот просунул их в торговое окошко. Морщинистая рука осторожно забрала их. Внутри со скрипом открылся холодильник и зашуршали обёртки мороженого.

Пока баба Прися доставала лакомства, Алина успела подойти к полностью поржавевшей конструкции, которая раньше являлась качелями, а теперь лишь была олицетворением уровня

² Падик – сокращение от «подъезд»

этого городка. Девочка прислонилась к железному сиденью. Тут же раздался грохот – качели решили окончательно «уйти в отставку». Благо, ловкая Алина вовремя успела с них вскочить и избежала перелома копчика.

За всей этой картиной наблюдали стоящие у ларька Ибрик и Абрик. Со стороны произошедшее выглядело очень комично. Однако к товарищам, а в частности к Ибрику, пришла мысль о том, что вскоре и весь их город просто возьмёт и развалится.

Ибрик с ужасом вспомнил, как в день выпускного при выходе из дома прямо перед ним плюхнулся кусок штукатурки и разбился вдребезги.

Морщинистая рука вновь показалась в окне, но уже с тремя разноцветными упаковками.

- Спасибо! – хором сказали дети и побежали на тёмно-синюю лавочку у ближайшей панельки.

Алина быстро смолотила своё мороженое и заскучала, как вдруг приподняла свои брови и, шмыгнув носом, спросила:

- Вы знали, что в августе в нашем Доме Культуры будут вторую часть «Бетонных монстров» показывать?

- Серьёзно? – мальчики оживились.

Позапрошлым летом, выложив почти все деньги из копилки, Ибрику и Абрику удалось урвать билеты на первую часть «Бетонных монстров» - мультфильм о катастрофе на заводе, где из бочек с цементом повывезли самые настоящие чудища. Посёлок, который существа хотели поглотить, был до ужаса похож на городок Ибрика и Абрика. Увидев фильм, мальчики какое-то время испытывали ужас, когда видели вдалеке стекольный завод по соседству. Однако всё равно поклялись, что обязательно сходят на продолжение.

- Сколько будут стоить билеты? – тут же спросил Абрик.

- Хм... - девочка уставилась в небо, на тёплое солнце, - рублей пятьсот, думаю.

- Пятьсот? Это пенсия моей бабушки! – Ибрик вдруг воскликнул, быстро взглянул на Алину и тут же вновь уставился на свои коленки, которые за начало каникул уже успел разбить.

- И правда, многовато... - пробубнил Абрик, - отец, конечно, присылает нам деньги, но всё же...

- Мне тоже, думаю, не дадут. – поддержала Алина, шмыгнув носом, - максимум дали бы двести.

Какое-то время троица просто молчала, слушая, как из открытого окна консьержки бубнит телевизор. К Ибрику подошёл чёрно-белый кот, кажется, тот же, что и три дня назад выходил из подъезда Абрика вместе с мальчиком. Посмотрев на него травянистыми зелёными глазами, животное замурлыкало. Ибрик запихал в рот остатки мороженого и даллизать коту обёртку.

- А знаете, что? – вдруг загорелась идеей Озолина, - давайте устроимся на работу?

- Это как? – сначала не понял Абрик.

- А вот так! Будем помогать людям и брать за это деньги! Даже той бабе Присе!

- А что, это идея! – улыбнулся Абрик, - ты, Ибрик, как считаешь?

Ибрик, всё это время боявшийся взглянуть на девочку, вздрогнул.

- Ты чего? – друг хлопнул его по плечу, - очнись, Ибрагим! Мы столько денег сможем заработать! И не только на кино!

Ибрик помолчал пару секунд, а потом сказал:

- Я за!

- Ну вот и отлично! – воскликнула Алина и спрыгнула с лавки, - тогда завтра встретимся здесь и всё обсудим! А пока...

Девочка присела на лавку напротив, нашла чистый лист в своём блокноте и вытащила из кармана карандаш.

- Смотрите на меня! И не шевелитесь! – скомандовала юная художница, шмыгнув носом.

Вдруг чёрно-белый кот мягко запрыгнул Ибрику на колени, будто тоже хотел быть запечатлённым в Алинином блокноте.

Подняв взгляд, мальчик вспыхнул. Абрик тыкнул его локтем под ребро и издал смешок. Девочка принялась увлечённо рисовать...

Визит в квартиру Ибрика

...Ибрик спал, казалось, целую вечность, пока кровать под ним не начала подпрыгивать от мощных толчков. Мальчик разлепил глаза: вокруг царил темнота. Родительская постель пустовала. Спросонья Ибрик не понимал, что происходит: было ощущение, что какой-то великан медленно шагает по их городку.

Толчки были настолько сильными, что на лицо Ибрику стала сыпаться штукатурка, а часы упали со стены и разлетелись на множество деталей. Мальчик испуганно вскочил с постели. Посмотрев в окно, он застыл в немом ужасе: огромный бесформенный силуэт бродил по улице Стоматологов. Его грязная серая туша цементом растекалась по улицам, пожирая всё на своём пути. Увидев мальчика, чудовище заревело и ринулось навстречу, приоткрыв кривую пасть. Ибрик заставил себя отбежать от окна, однако споткнулся о свою же ногу и грохнулся на пол. На мальчика приземлились внезапно отслоившиеся от стены обои. Грибковый запах тут же проник в его лёгкие и отозвался в животе тошнотой. Послышался грохот: где-то рядом упал платяной шкаф, оттуда просыпались вешалки и разлетелись по всей комнате. Кое-как выпутавшись из затхлых обоев, Ибрик отчаянно ринулся к коридору, но всё было тщетно: бетонная щупальца, скользкая и противная, ухватила его ногу и по пыльному ковру потащила назад. Прямо перед лицом мальчика с потолка обрушилась старинная люстра бабушки Фатимы и разбилась вдребезги. Ибрик зажмурился и вскрикнул. По его спине неприятно струился холодный пот. Обернувшись на бетонное чудовище, он увидел в его туше поржавевшие качели, обертки от мороженого и множество стеклянных бутылок. А потом из пасти монстра показалось два знакомых лица с налитыми кровью глазами. Мальчик застыл в ужасе, узнав Абрика и Алину, но больше ничего не мог сделать, как раскрыть рот в немом крике...

Мальчик, насквозь пропитанный холодным потом, вскочил в своей постели. За окном уже во всю светило солнце и пели птицы. В квартире всё стояло на своих местах. Бетонного монстра как и не было.

- Это был сон... - облегчённо прошептал Ибрик самую обычную фразу, которую говорят люди после ночного кошмара.

Прищурившись, мальчик попытался определить время на настенных часах, но потом вспомнил, что они стоят уже как две недели.

Ибрик через силу выбрался из своей мягкой постели. Обойдя всю квартиру, захламлённую старыми вещами, он убедился, что был дома один. Мама ушла в Магазин, а папа, вероятно, снова в гости.

Мальчик зашёл на кухню, налил воду в облупившийся металлический чайник и поставил его на плиту. После заглянул в холодильник: там стояла бутылка водки и пшённая каша, оставленная ему. Мальчик достал оттуда холодную кастрюлю и водрузил её рядом с чайником, зажёл обе конфорки и вышел на балкон.

Здесь стояли лишь два кресла, давно, по мнению Ибрика, стремящиеся «уйти в отставку», и пыльный сервант, который раньше стоял на кухне.

С высоты девятого этажа было видно многое, например, как маленькие дети во дворе веселились на постепенно умирающей игровой площадке: съезжали с потрёпанных горок, карабкались по ржавым лазалкам, катались на облупившихся качелях и каруселях. Интересно, знают ли они, что лет через семьдесят этот городишка развалится полностью?

Поймав себя на подобной мысли, Ибрик шлёпнул себя по щеке. Нечего о таком думать!

С балкона дома Ибрика был виден и кусочек соседней улицы – Египтяновской. Там, в двенадцатом доме, на седьмом этаже жила бабушка Ибрика – Фатима, которую ласково звали

Фимой. Не было бы квартиры Абрика – большую часть своей жизни мальчик проводил бы у неё. В квартире бабушке Фимы обстановка была, нет, вовсе не богаче. А уютнее. Если были деньги, бабушка покупала нужные продукты и пекла внуку пирожки. А также доверяла ему вставлять кассеты в проигрыватель и смотреть мультики...

Впрочем, ладно. Нет необходимости описывать дом на Египтяновской, если сейчас Ибрик находился на Стоматологов.

Из мыслей мальчика выбил резкий треск дверного звонка. Ибрик насторожился.

Позвонили ещё раз.

Мальчик, на цыпочках перепрыгивая беспорядок в коридоре, подбежал к двери. Он никого не ждал!

Встав на табуретку и осторожно посмотрев в глазок, Ибрик увидел там своих товарищей – Абрика и Алину. Те, будто почувствовав на себе взгляд товарища, демонстративно и вразной закрывали:

- Ибрик! Авин! Открывай! Открывай!

Ибрик, как ошпаренный, тут же отбежал от двери и ринулся в ванную. Там, в заплёванном зеркале он увидел своё отражение – неумытое и нерасчесанное.

Алина не может его видеть таким!

На всю открыв кран, мальчик подставил своё лицо под напор холодной воды, параллельно на полке нашаривая гребешок.

В дверь упорно звонили.

Ибрик стал впопыхах расчёсывать и приглаживать спутанные волосы, при этом ойкая.

В дверь начали тарабанить руками и ногами.

- Меня родители прибьют! – процедил мальчик и ринулся открывать. На лестничной клетке слышались дикие вопли. И как их соседи ещё не прогнали!?

Обнаружив ключ на деревянной этажерке, мальчик впопыхах вставил его в замочную скважину и повернул несколько раз. Абрик дёрнул за ручку, и кожаная дверь тут же распахнулась, отпружинив от стены и чуть не сбив друзей.

Ибрик, разведя руки, в замешательстве смотрел на неожиданных гостей. Те, в свою очередь, не отрывали глаз от него. Ибрик подметил, что даже Озолина была выше на пару сантиметров выше его друга.

- Всё дрыхнешь? – решил передразнить товарища Абрик.

Ибрик закатил глаза.

- Уже два часа дня, - пояснила Алина, шмыгнув носом, - ты не пришёл к нам – поэтому мы пришли к тебе.

Мальчик кинул на девочку робкий взгляд и продолжал молчать.

Он стоял, неловко спрятав руки за спину, в майке, шортах, которые перед сном Ибрик, как оказалось, к счастью, забыл снять, и дырявом носке.

- Ну мы зайдем? – заскучал Абрик.

Ибрик с сомнением оглянулся на свою квартиру, углы которой были захламлены непонятными вещами.

Да, они с Абриком были лучшими друзьями, однако дружба их была не совсем обычна: если квартира товарища была для Ибрика роднее своего дома, то тот, в свою очередь, ни разу не был у друга в гостях.

Таких квартир, как у Ибрика, было в городишке полно, однако мальчик всё равно стыдился бедной обстановки своего жилища и никогда не приводил домой товарищей.

Мальчик уже было хотел отказать, как вдруг позади пронзительно закричал чайник. Ибрик подорвался с места и, чуть не споткнувшись о валявшийся на полу пакет, ринулся на кухню.

- Значит, можно. – усмехнулся Абрик, и они с Озолиной прошли внутрь и стали разуваться: девочка освободилась от сандалий, а мальчик стянул с себя потрёпанные кеды.

Когда товарищи вошли в маленькую скудно обставленную кухню, Ибрик очень сильно испугался, так, что чуть не выронил из рук алюминиевую кастрюлю. Благо, Абрик успел пробежать к другу и тоже схватиться за неё.

- Что это у тебя тут? – Абрик приподнял крышку, - каша? А ещё чего-нибудь есть?

Ибрик помотал головой. Абрик, не веря своему другу, заглянул в холодильник. Мальчик уже не пытался его никак остановить.

- Ой! – выразил удивление гость, - что это тут у тебя? – он достал из холодильника бутылку водки.

Щёки Ибрика в момент сделались пунцовыми; он выхватил алкогольный напиток из рук товарища и не нашёл ничего лучше, как спрятать его за дверцей пыльного серванта на балконе.

Абрик и Алина уже сидели за столом. У девочки на косичках сегодня были лимонные банты. Ибрик вздохнул и открыл дверцу навесного шкафа. Там стояло всего три кружки – ни больше, ни меньше.

Мальчик поставил чашки на стол, кинул в них по пакетiku (устроив гостям аттракцион неслыханной щедрости) и залил их кипятком.

- А мы тут конфеты купили. – сообщила Озолина, сидевшая напротив, плюхнув на бирюзовую клеёнку горсть леденцов в пакете.

Ибрик, поедавший пшённую кашу прямо из кастрюли, улыбнулся.

Абрик, сидевший сбоку от друга, стал пытаться развязать целлофановый узел, но спустя минуту сдался и просто разорвал пакет. Алина, глядя на это, усмехнулась.

- Может, уже обсудим план наших действий? – спросила она, шмыгнув носом.

- Каких действий? – изобразил дурака Абрик, кладя леденец на язык.

Все молчали. Алина потому что не посчитала это шуткой, а Ибрик потому что стеснялся говорить что-то при девочке.

- Ладно. – вновь заговорил Абрик, отпивая чай из кружки папы Ибрика, - я предлагаю сначала сходить к бабе Присе.

- А если откажет? – наконец заговорил Ибрик, когда уже доел кашу, - то куда?

- Да не откажет... - махнул рукой Абрик, - ей, наверное, запахло сидеть в своей коробке и мороженое выдавать. А нам – не будет.

- Но всё же... - Алина хлебнула из кружки мамы Ибрика, - если откажет, то пойдём в другой ларёк. К дяде Филе. А если уж и он откажет..., то походим по отделам Магазина.

Магазином в городишке являлось то, что в обычном городе назвали бы торговым центром. Это был рынок под потолком: вытянутое двухэтажное здание, где продавалось почти всё. В одном углу располагались овощи и фрукты, в другом – одежда, в третьем – хозяйственные бытовые инструменты и так далее. Пожалуй, это было единственное место в городке, которое хоть чуть-чуть напоминало о существующей цивилизации.

Одним из продавцов Магазина являлся никто другой, как мама Ибрика.

И как только Алина упомянула это место, в животе у мальчика что-то нервно заколыхалось. Ему не хотелось идти туда и просить у собственной матери работу. Хоть женщина не была жадной мегерой, мальчик не мог попросить у неё денег больше, чем на мороженое или хлеб. А тем более уж подходить и просить работу. Казалось бы, ради какого-то там пустякового фильма.

Ибрик тоже стал уплетать принесённые леденцы, один из них спрятал в карман ночных шорт.

- Ладно, я пойду переоденусь! – сообщил Ибрик, допив чай и поставив кружку с кастрюлей в раковину.

Друзья кивнули. Мальчик ушёл в комнату.

Открыв платяной шкаф, Ибрик поймал несколько упавших на него вешалок, потом взял с полки ярко-зелёный спортивный костюм.

Через несколько минут, когда гости уже обувались, Ибрик вдруг вспомнил:

- Ой! Конфеты забыли!

- Да ладно, - поднявшись с корточек, ответила Алина и улыбнулась, - себе оставь.

К щекам Ибрика снова прилила кровь:

- Да? – дрожащим голосом прошептал он.

Озолина кивнула...

Ларьки, прилавки и витрины.

...Трое по протоптанной земляной дорожке направлялись к ларьку бабы Прися. Дети не переживали - были уверены, что им не откажут.

- Баба Прися-я-я! – ещё за пару метров до постройки громко протянул Абрик.

Морщинистая рука отодвинула розовое полотенце.

- Что? Абрам, ты где? – не увидела детей сразу старушка.

- Да здесь мы! – отозвался Абрик, подходя ближе.

Глаза в красной оправе наконец-то увидели друзей, подошедших к окну.

- Сегодня только ванильное. – предупредила баба Прися.

- Да нет... - отозвалась Алина, шмыгнув носом, - мы немного не за этим...

- А за чем же?

- Мы хотели... попросить у вас работу. – сразу решил сказать Ибрик, однако бабушка лишь сдвинула к переносице седые брови.

- Ибрик, дай я скажу! – с видом великого дипломата заговорил Абрик, - баба Прися...

Я понимаю, что вам очень сложно целыми днями сидеть в этой каморке и просто выдавать людям мороженое! Это мучение – не так ли? Поэтому мы пришли вам помочь! Мы можем выполнять часть работы за вас, и разделить деньги!

Морщинистая рука зашторила окошко полотенцем.

- Абрам, мозг мне не дури! – не веря мальчику, пробухтела старуха, - мороженого не хотите, так не мешайте работать!

- Но баба Прися! – взмолилась Алина, подбежав к окошку ближе, - Мы ведь правда хотим подработать! На кино денег накопить! Пожалуйста, помогите нам!

Бабушка вздохнула и вновь показалась в окне.

- Дети, я бы и рада... но мне помогать-то и не с чем! Сижу, мороженое выдаю...

- Но мы можем делать это за вас! – вмешался Ибрик.

- Да даже если вы мне поможете, то я не смогу вам! - проохала баба Прися и вдруг устремила взгляд на Ибрика, - моя пенсия в несколько раз меньше, чем у Фатимы! Мне нечем будет вам платить!

Троица ещё несколько секунд шевелила бровями и щурила глаза, будто переваривая происходящее. А сразу после поникла.

- Сходите в другое место, что я могу вам сказать! – попыталась утешить расстроившихся друзей баба Прися.

Те лишь извинились перед ней и пошли к ларьку на Зоотехнической, где торговал журналами и газетами уса́тый дядя Филя.

- А говорил, не откажет! – пробурчал на ухо другу Ибрик.

На Зоотехнической ларёк был полностью такой же, разве что на стёклах были наклеены не картинки мороженого, а уже пожелтевшие газеты прошлого века.

- Здравсте, дядя Филя! – хором поздоровались дети.

Курящего мужчину они застали врасплох: он вскочил со своего стула и тут же выкинул в окно сигарету, чуть не угодив в лицо Абрику. Тот испуганно ойкнул.

Ибрик тут же начал тушить сигарету подошвами кроссовок.

- Дети, вам чего? – слышалось из окошка.

Если к бабе Присе школьники заходили постоянно, то основным контингентом ларька дяди Филя были такие же взрослые мужчины, как и он, и иногда женщины. Поэтому каждый раз, когда слышал детские голоса, продавец с непривычки вздрагивал.

Дядя Филя высунулся в окошко и повторил свой вопрос. Почувствовав запах из его рта, Абрик отошёл подальше.

- Мы хотим вам помогать. – поняв, что талантливый дипломат на этот раз не выходит на работу, заговорил Ибрик.

Реакция дяди Филя была ожидаема. Тот лишь нахмурил брови и сжал бледные губы.

- Нам очень нужны деньги, мы готовы сделать любую работу. Пожалуйста, возьмите нас! – раскрыв как можно шире свои чёрные глаза, взмолился Ибрик. Алина ему поддакнула, тоже сделав просящий взгляд. Абрик не остался в стороне.

Трое смотрели на озадаченного дядю Филю и хлопали ресницами.

- Дети, я ведь не могу...

- Но почему!? – хором выпалили они.

Дядя Филя вовсе не был бедным пенсионером и точно мог заплатить ребятам.

Мужчина молча указал на ярко-красные буквы, вырезанные из бумаги и прилепленные на стекло.

«Распродажа остатков!» - гласили они.

Ничего не понимающая троица вновь перевела взгляд на дядю Филю.

- Теперь пресса будет продаваться только в магазине. Я уезжаю. – пояснил мужчина.

- Как... уезжаете? – не веря своим ушам, прошептал Ибрик, - и скоро?

- Завтра.

- Как же так? – спросил Абрик.

- У меня сын в этом году в первый класс пойдёт. Не хочу его будущее рушить, запирая в этом городке. Да и жена со мной согласна.

Дети молчали.

- Поэтому мне помогать не надо. – будто подытожил дядя Филя и вдруг высунул в окно руку, - Возьмите.

Продавец протягивал детям сто рублей. Те заколебались.

- Берите-берите! – уверил дядя Филя, - Считайте это памятным подарком! Ибрагим, я часто общался с твоим отцом на заводе.

Ибрик посмотрел на деньги исподлобья, и ещё пару секунд подумав, быстро взял их.

- Прощайте, получается? – произнёс он.

Мужчина кивнул. Абрик и Алина тоже попрощались.

Троица направилась на Египтяновскую, где и располагался Магазин. Их последняя надежда.

Новость об отъезде торговца газетами повлияла на товарищей. Особенно тяжело было Ибрику. Он с досадой пнул валявшийся на земле камень.

Это что же!? Сначала уедет дядя Филя, потом Абрик, и в итоге мальчик останется совершенно один в этом забытом и умирающем городке...

- Да, - Абрик приобнял друга за плечо, - жаль. Над нами живёт! Хороший мужик. Или, уже можно говорить, что был?

Как только дети свернули на Египтяновскую, то сразу же увидели четырёхэтажное белое здание, ограждённое низким мрачным забором с острыми наконечниками. Густые кривые тополя закрывали окна первых этажей. Крыша здания была беспорядочной утыкана какими-то антеннами. Алина поморщилась: они с детства производили на неё жуткое впечатление.

Это была школа, где учились Ибрик, Абрик, Озолина и все дети и подростки этого городишка.

Троица прошла мимо неё, почти не глядя: во время летних каникул дети хотели полностью забыть про учёбу.

Именно за школой располагалось здание Магазина – ярко-красное, будто клубника, продающаяся там, и облезлое, будто жители, обычно валяющиеся у входа. Именно это здание отличалось от панелек и прочих домов тем, что вместо просто бледно намалёванного номера на стене у него была целая синяя табличка, которая будто царственно объявляла каждому мимо проходящему «Египтяновская, 1». Ибрику рассказывала мама, что на неё целый год скидывались все продавцы, торгующие внутри Магазина.

Дети подошли ко входу, и Алина, которая была сзади, тут же вскрикнула. Мальчики испуганно обернулись и увидели, что за тоненькую и хрупкую девчачью ножку своей грубой клешней схватился пьяница, валяющийся на асфальте.

- Эй! – Озолина попыталась оттащить ногу, но ничего не выходило.

Тогда мальчики подбежали к пьянице и стали его расталкивать. Тот лишь в бреду что-то бормотал. Ибрик узнал в его опухшем лице их соседа дядю Перея.

- Эй, быстро отпустил её! – грозно пробормотал мальчик.

Наконец пьяница сдался и, снова пробормотав что-то невнятное, перевернулся на другой бок. Шокированная Озолина молча стояла на месте.

- Спасибо. – прошептала она, потупив васильковые глаза и по привычке шмыгнув носом.

Наконец товарищи зашли внутрь, и, по их мнению, изобилие всякой всячины предстало детским глазам. У самого входа стоял прилавок с пирожками и хлебом, которыми торговала баба Дина. Сразу после неё тётей Акрой были развешаны сушёные грибы и фрукты, а также поставлен низенький стол с бакалеей, который больше напоминал лавку. Напротив всего этого тянулся длинный продуктовый прилавок двух молодых братьев-торговцев, который периодически наполнялся мясом, рыбой, колбасой и сыром, и всё это добро раскупалось настолько быстро, что всё оставшееся время до следующего завоза витрина почти пустовала. Сразу за ней продавались сладости, которые стоили дороже, поэтому разбирались не так быстро.

Дети поднялись на второй этаж, где располагалась витрина с молоком, овощами и фруктами бабы Стеши, небольшой уголок с товарами для детей и небольшая застеклённая аптека, на которую завод однажды не пожалел ресурсов, но толк от этого места был небольшой: обычно там можно было найти лишь активированный уголь и аспирин. Однако большую часть второго этажа занимал магазин одежды и обуви. Ассортимент здесь был не из широких: обычно вещи были либо слишком маленькими, либо слишком большими. Но для детей это помещение казалось волшебной страной ярких красок и изобилия.

Здесь продавались пёстрые платья и халаты, узкие длинные галстуки, джинсы и шорты, рубашки белого, чёрного и пунцового цвета, майки, футболки, бельё и носки, а также раз в полгода появлялась пара-тройка брючных костюмов, хотя, казалось бы, кому они в городишке вообще были нужны.

Именно в этом платяном лабиринте целый день пряталась мать Ибрика и многие жительницы городка.

- Ну что? – Абрик посмотрел на друга, - К твоей маме сразу или попытаем удачу у кого-нибудь другого?

Ибрик утвердительно кивнул. Ему не хотелось сразу направляться в отдел одежды. Однако предложить ничего тоже не мог: его чёрные глаза терялись в этом круговороте всякой всячины.

- Давайте в лавку игрушек! – предложила Озолина, - Это как раз нам в пору!

Мальчики молча согласились, и троица направилась в ближний уголок, который украшал огромный плюшевый медведь, внутри которого, вероятно, плесень имела роскошное жилище –

жемчужина детского магазина, которую товарищи видели с самого рождения: за всё это время её так никто и не удосужился купить.

Похоже, сегодня утром к Магазину снова приехала огромная городская фура, и раскупить ещё ничего не успели. на нескольких столиках – имитированном прилавке были разложены ручки, линейки, тетрадки, альбомы и наклейки. Порой на коробках – имитированных стеллажах выставлялись машины, куклы и лизуны – странное тягучее желе в банке, которые любили дети и не любили их родителей.

Когда Ибрику, да и не только ему, случалось бывать в Магазине, то он сразу же ощущал свой одинокий старый городок самым настоящим городом.

Пока дети были погружены в созерцание товаров, к прилавку вдруг подошла высокая белокурая женщина и спросила:

- Вам помочь?

Трое товарищей, будто один, подняли растрёпанные головы и глазами впились в женщину. Раньше они её не видели.

- А где же... тётя Ада? – спросил Абрик, вспоминая старую пухлощёкую продавщицу.

- Уехала она.

- Куда? – выпалила Алина, шмыгнув носом.

- В город. – пожала плечами незнакомка, - теперь я буду тут работать. Можете звать меня Леонидой. Или как тут у вас в городишке принято... - она посмотрела куда-то вверх, - тётей Леонидой.

Друзья растерянно переглянулись. Ибрик тяжело вздохнул.

- Так что хотите купить? – повторила вопрос тётя Леонида.

- Понимаете, мы не совсем купить хотим... - взглянул на неё Абрик. Та ничего не поняла. – Мы хотели подработать!

Тётя Леонида, высокая и стройная, вскинула белоснежную бровь. От женщины чувствовался холод и надменность.

- В вашем городке даже детям необходимо себя прокормить? – съязвила она, на что дети сделали оскорблённый вид.

- Нет, нам на кино вообще-то надо! – чуть ли не вскрикнула Алина, при этом топнув ногой в старых сандалиях. Вновь услышав голос девочки, Ибрик вздрогнул.

- К сожалению, я ничем не могу помочь. Я приехала сюда недавно, да и ненадолго. Чтобы навестить маму. – пояснила тётя Леонида, - И я ничего здесь не понимаю. Обратитесь к директору, что ли. – продавщица пожала плечами.

- Но здесь его не... - уже было хотел сказать Абрик, как вдруг ему под ребро вонзился острый локоть Озолиной.

- Пошли! Нечего ловить! – шикнула она мальчикам, шмыгнув носом с особой резкостью. Те попрощались и отошли от прилавка.

- Вот же ш фифа городская! – процедила Алина, откинув за плечи свои тонкие косички, когда они отошли от детской витрины.

- Городская кто? – переспросил Абрик, склонив лохматую голову набок.

Озолина растерялась.

- Папа так говорит, когда видит подобных на телике...

Картины, которые происходили дальше, смысла описывать совсем нет. К великому сожалению, ни тётя Капа, ни баба Дина, ни даже дядя Фаиль со своим отцом: одним словом – никто не согласился брать юных потенциальных сотрудников на подработку.

Трое до последнего старались сохранять надежду на лучшее, однако, когда они подошли к широким фиолетовым шторам – так называемым дверям павильона с одеждой, их вдруг резко накрыло горькое разочарование.

- Была ни была... - пробормотали Алина и Абрик.

Ибрик же думал вовсе не о деньгах. Нервно сгрызая ногти, кудрявый мальчик прокручивал в голове встречу его друзей с его мамой. Абрик её пару раз уже видел... Но Алина... Алина увидит его маму и подумает что-то не то! Подумает, что она только делает, что и пьёт! И вдобавок к этому – плохая мать!

Ибрик переживал зря: Алина не имела счастья узнать, какая мама является хорошей.

Дети зашли за фиолетовые шторы и попали в платяной шкаф – кругом была лишь одежда и больше ничего. В воздухе витал запах лака – в глубине магазина делали стрижки и укладки, а также красили ногти за смешную для города сумму, однако только розовым или красным цветом.

Абрик на всякий случай зажал свой смуглый горбатый нос.

Вдруг, как это обычно бывает по закону подлости, до ушей детей донёсся чей-то голос: – Ибрагим!

Друзья устремили глаза на мальчика, а тот, в свою очередь, спрятался за мешковатым офисным костюмом. Абрик оценил его взглядом, думая, что такое носят только дипломаты.

Из-за ярко-красной комбинации пятьдесят восьмого размера выглянула сначала голова, а потом и вся её владелица – худая, почти тощая женщина средних лет, одетая в лиловый рабочий фартук. Её выющиеся волосы были обесцвечены перекисью, сухие губы шелушились, а под мутными тёмно-карими глазами красовались сизые мешки.

– Ибрагим? – повторила она хриплым голосом, оглядываясь, – я тебя видела!

Ибрик нехотя выбрался из укрытия.

Мать вопросительно посмотрела на него.

Сын смотрел на женщину также.

Напряжённую паузу перебил Абрик.

– Здравствуйте! Вы мама Ибрика?

Мальчик произнёс это с французским акцентом, потому что не разжимал нос.

Худая женщина перевела взгляд на него и кивнула. Потом вновь посмотрела на сына и спросила:

– Это твои друзья?

Ибрик залился краской. В его голове пульсировали молоточки.

– Да! – снова вмешался Абрик, – меня Абрамом звать, а это... – он перевёл взгляд на Озолину.

– Алина. – представилась девочка, слегка наклонившись вперёд и как можно тише шмыгнув носом.

– Очень приятно. – одобрительно кивнула женщина, – Марта.

Абрик заулыбался и перевёл взгляд на друга. Того почему-то затошнило от нахлынувшего смущения.

Мать снова посмотрела на сына в надежде на то, что он что-то скажет. Однако тот продолжал молчать.

– Мы хотим подрабатывать здесь. – заявила Алина.

Тётя Марта подняла бровь и заправила за ухо осветлённый локон.

– Да. Хотим накопить на кино.

– И сколько же вам надо?

– Тысячи полторы. – вновь заговорил Абрик-француз.

Мать вскинула брови, однако на сына больше не глядела.

– И как же вы хотите подработать?

– Ну-у-у... Может, одежду подавать или ногти красить? – предположила Озолина.

Тётя Марта какое-то время молчала, а потом вздохнула и покачала головой.

– Простите, дети, но думаю, что это невозможно.

Напоследок она вновь взглянула на своего красного, как рак, сына. «Поговорим дома» - можно было прочитать в её усталом мутном взгляде.

Ибрика будто бы окатили холодной водой.

Из Магазина товарищи вышли молча и с потупленными глазами. Также молча они и разошлись: Озолина повернула направо, а мальчики - налево.

Однако едва товарищи завернули за угол Магазина, девочка крикнула:

- Я спрошу у отца, можно ли подработать на заводе.

- Меня не пустят! – горестно отозвался Абрик.

- Все равно спрошу.

Абрик решил проводить друга до самого подъезда на улице Стоматологов.

Оба не сказали ни слова, пока не дошли до пункта назначения.

Они встали друг напротив друга возле полустгнившей скамейки. Поникший Ибрик смотрел другу в глаза, а тот сверлили взглядом ржавую дверь позади.

- Абрик, ну что же нам теперь делать?

Товарищ разочарованно пожал плечами - это движение говорило "может, что-нибудь да придумаем".

Глаза Ибрика вдруг стала жечь соль.

- Абрик, ну не уезжай, ну пожалуйста... Не бросай меня здесь одного...

...В восемь вечера, когда Ибрик искал в ветхой прикроватный тумбочке батарейки для часов, в кожаную дверь устало постучали. Мальчик встал с ковра и направился в прихожую. Отодвинув цепочку, он толкнул дверь вперёд.

Мама вернулась с работы.

Она молча стянула с себя туфли и по пошарпанному линолеуму прошла в ванную.

Ибрик же вернулся в комнату. Через четверть часа, так и не найдя среди вороха пожелтевших газет подходящие к часам батарейки, мальчик пошёл на кухню.

Налив из холодного чайника воды себе в кружку, Ибрик кинул взгляд на мать - та курила на балконе, сидя на старинном кресле.

- Ибрагим, - вяло позвала его женщина, - подойди сюда.

Нехотя мальчик вышел на балкон. Каждый раз, когда он делал это, то боялся, что тот обвалится. Однако балкон всегда выдерживал.

- Тебе нужны деньги? - спросила женщина, выдыхая дым.

В ответ Ибрик что-то промямлил.

- Что это было? Мне рассказали, что вы сегодня весь день ходили и, как нищие, направились на работу.

Голос матери был слабым и безэмоциональным: казалось, женщина говорила это, потому что была должна, а на деле ей было совершенно не до сына. Однако в этом равнодушии Ибрик отчётливо улавливал злость и презрение.

Мать какое-то время продолжала молча курить, развалившись на кресле и пялясь на улицу.

- Ты прекрасно знаешь, что никто не будет вами заниматься.

Эта фраза звучала, как приговор. Однако сразу после неё мать потушила сигарету о холодные перила и добавила:

- Дам совет. Если хотите заработать – начните делать что-то сами.

Женщина ушла с балкона, а мальчик остался стоять там, будто поражённый молнией. Это только что сказала ему его мать?

- Макароны будешь? – с кухни раздался грохот кастрюли о газовую конфорку...

...Уже лёжа в кровати, Ибрик старательно пытался выдумать, что они могут делать и продавать сами. Лимонад? Нет, слишком банально. Может, Алина будет рисовать портреты рублей за сорок?

Вспомнив васильковые глаза, мальчик смутился и зарылся в свалывшуюся подушку.

Нет, она, конечно, рисует красиво, но... Далеко не все могут это оценить. Но что же тогда, что же, что же...

Бесконечные раздумья вдруг сменились сонным бредом. Мальчику виделось, как городишко покидает сначала тётя Ада, затем дядя Филя, потом Абрик... А далее бешеным человеческим потоком стали утекать и остальные жители города...

Печальную грёзу вдруг прервало резкое покалывание щетины и отцовский голос над ухом:

- Сын, ты водку не видел?

Ибрик пробурчал что-то отрицательное, перевернулся на другой бок и снова забылся в кошмаре...

23.03.26 – 28.03.26

Восточное лакомство.

...Ибрик сидел на паркетном полу и внимательным взглядом обозревал тумбочку. Там, среди аккуратно выложенных кассет, подписанных бледным простым карандашом, пряталась заветная – та самая, которую мальчик смотрел каждый раз, несмотря на то, что выучил всё её содержимое.

Наконец чёрные бусинки нашли нужный футляр, на котором было написано «Герой», и мальчик как можно аккуратнее достал его из ящика. Аккуратно вынув кассету, он просунул её в специальное отверстие прямо под экраном телевизора.

Такое устройство, несмотря на то, что показывало изображение чёрно-белым, было занесено в «Красную книгу» городишка. Чтобы купить его, бабе Фиме приходилось много и долго работать.

Мальчик нажал на большую серую кнопку – квадратный экран загорелся сеткой, что-то внутри телевизора зашуршало и всё погасло. Но через несколько секунд стало проявляться изображение.

Вообще, «Герой» вовсе не подходил Ибрику по возрасту, однако бабушка упорно хранила секрет мальчика от родителей. В этом фильме рассказывалось о то, как обычный мальчик попадает в параллельную вселенную и находит там себе новых друзей, а после они бок о бок сражаются с главной злодейкой. Фильм Ибрику очень нравился – в каждом из героев он мог узнать себя, и мечтал когда-нибудь овладеть суперсилой.

Судя по подслушанным разговорам старшеклассников в туалете – многим безумно нравилась подруга главного героя – рыжая загорелая девочка с огненными кудряшками, управляющая грибами. Ибрик, конечно, был с ними согласен, но не до такой степени: героиня совсем не была похожа на Алину Озолину.

Экран телевизора загорелся пестротой магической школы и учеников, находящихся там. Все они были яркие, громкие и свободные.

С пола Ибрик пересел на разложенный диван, накрытый приятным на ощупь покрывалом. Мальчик хотел верить, что оно соткано из настоящего шёлка.

Ибрик находился в шестьдесят девятой квартире на седьмом этаже в двенадцатом доме по улице Египтяновской. У бабушки Фимы.

У бабушки Фимы уютом была пропитана каждая вещь в жилище. И пожелтевшие обои, и скрипящий паркетный пол, и старые серванты с забытым внутри хрусталём, и занавески, разорванные снизу в клочья на тот момент покойным бабушкиным котом... Ну и, конечно,

посуда – у старушки её было, кажется, раз в пять было больше, нежели у семейства Ибрика. Пирожки мальчику всегда подавались в милых тарелочках с зайчиками.

С кухни потянулся аппетитный и сладкий аромат мёда. Ибрик принялся: что же готовит бабушка?

Не выдержав собственного любопытства, мальчик поставил момент знакомства главного героя с рыжей девочкой на паузу и отправился на кухню.

Бабушка Фима, полная и приземистая старушка в роговых очках, колдовала у газовой плиты. На одной из конфорок поверх синего огня стояла глубокая сковородка с бурлящим внутри маслом.

Ибрик подошёл ближе, однако старуха круглым локтем преградила ему путь.

- В глаза попадет! – предупредила она своим мягким голосом, таким же, как её характер.

Бабушка Фима не имела обворожительной внешности, что было логичным для её большого возраста. Старушка имела поседевшие кудри, которые раньше были каштановыми, морщинистые щёки, уже начинающую разваливаться вставную челюсть, толстые пальцы на руках и ногах, да и в целом напоминала скорее шарик, чем обычную человеческую фигуру.

Однако для Ибрика бабушка Фима была самой прекрасной на свете (не считая Алину Озолину), потому что он мог разглядеть в старушке её истинную красоту. Её медово-карие глаза, пусть и спрятанные под набухшими веками, но всё равно полные жизни, мягкий шёлковый голос, полные морщинистые руки, не терявшие своей ловкости – всё это восхищало внука. Бабушка Фима заботилась о внуке так, как о нём не заботился никто. Мелочи, которая она делала, для мальчика имели огромное значение. Её пирожки были самой вкусной едой. Её сказки делали ночи волшебными. В целом, её присутствие озаряло весь городишко.

В бабушке Фиме Ибрик видел человека, который всегда бы ему помог и поддержал, даже если бы внук провинился.

Отойдя на шаг вперёд, мальчик встал на цыпочки, чтобы всё-таки узнать, что жарится на сковородке. Прищулив чёрные глаза, Ибрик заметил, что бабушка Фима деревянной лопаткой размешивает какие-то палочки.

- Что это, бабушка? – спросил внук, ведь раньше подобного никогда не видел.

- Чак-чак, Бричек.

- Что?

- Баба Бася медом угостила. Ей дети с пасеки привезли. Вот, национальную сладость приготовить решила.

Мальчик удовлетворительно кивнул, но с кухни не ушёл. Подпрыгивающие и лопающиеся масляные пузырьки увлекли его.

- Mamochka моя, Гуля... Да... - вдруг решила вспомнить прошлое старушка Фима, - такой вкусный чак-чак готовила! Мы с братьями дрались за него... Тукай – проворный, выигрывал всегда!

О своих дедушках Ибрик всегда слушал с интересом. У бабушки Фимы было четыре брата, и все они не дожили до рождения мальчика.

Старушка, будто бы по количеству прожитых лет компенсирующая остальных детей, одной рукой продолжала мешать золотистые палочки, а второй достала из настенного шкафа небольшой сотейник.

- Бричек, медку и сахара смешай-ка.

Мальчик тут же принялся за работу: насыпал в сотейник горстку сахара и уже было принялся накладывать мёд, однако попытка была неудачной. Алюминиевая ложка воткнулась в сладкий нектар и застыла в нём намертво. Как Ибрик не пытался, вытащить её не получилось, поэтому это сделала бабушка Фима, отвлекшись от сковороды.

- Бричек, сбегай на балкон за полотенцем, которое не жалко!

Мальчик вышел с кухни и направился в комнату, а через неё вышел на балкон. Египтяновская улица, наверное, была наиболее благоприятной для жизни в городке – почва там была плодородная (лет сто назад туда вывалили краденый чернозём) и деревья зеленели гораздо дольше и ярче остальных.

Ибрик начал рыться в стопках случайных вещей. На первый взгляд можно было подумать, что балкон был захламлён, однако это было неправдой – всё стояло слишком аккуратно, что старушку просто нельзя было обвинить в неряшливости.

Наконец, в старом серванте, точно таком же, как и у мальчика дома, он нашёл старое клетчатое полотенце, которое уже давно начало распускаться со всех сторон. Взяв его, Ибрик вернулся на кухню.

К этому времени бабушка Фима закончила жарить палочки и принялась размешивать мёд с сахаром, которые тоже поставила на слабый голубой огонь.

По указаниям старушки Ибрик помыл руки и принялся раскладывать мучные палочки на клетчатое полотенце.

- А это вкусно? – спросил мальчик.

- Конечно! – заверила его бабушка, продолжая мешать сироп, - Осталось подождать минут десять, когда лишнее масло впитается в полотенце... А потом залить чак-чак сиропом. Тебе точно понравится!

Следующие минуты выдавались для Ибрика тяжёлыми, в частности из-за стоящего на кухне аппетитного запаха мёда, а также бабушкиных рассказов о том, какой чак-чак всё-таки вкусный.

Наконец старушка Фима высыпала обжаренные мучные палочки в ещё одну посудину и стала поливать их сиропом. Ибрику всё хотелось зачерпнуть пальцем аппетитный горячий раствор, однако мальчик себя сдерживал, отвлекаясь наковыряние заусенцев.

Бабушка своими проворными руками начала быстро размешивать мучные палочки в сиропе.

- Ну чего мучаешься? Всё равно надо будет ещё ждать, чтобы он остыл! Иди за телек сядь! – предложила бабушка, быстро перекладывая кусочки медового лакомства на деревянную доску.

От нечего делать Ибрик пошёл обратно в комнату смотреть «Героя», однако это ему несильно помогло: вкусный медовый аромат, идущий с кухни, так и просачивался в ноздри мальчику.

Наконец, спустя неизвестное для Ибрика количество времени бабушка Фима позвала угощаться.

Не выключив телевизор, мальчик ломанулся на кухню. Там, на тарелке с зайчиком, его уже ждал большой и идеально слепленный медовый комочек.

Мальчик ещё несколько секунд сидел, будто боялся так сразу отщипнуть кусочек и нарушить форму изделия.

- Пробуй. – сказала старушка.

Внук отломил себе небольшой кусочек мучных медовых палочек и положил его в рот.

В первое же мгновение мальчик понял, что чак-чак теперь будет его любимой сладостью.

Тут же Ибрик стал активно уплетать вкуснятину, громко мыча и причмокивая, будто показывая своё удовольствие бабушке Фиме. Та лишь поправила свои роговые очки и расплылась в улыбке. Она знала всё наперед.

Однако то, что вдруг внук оторвётся от еды и вскочит из-за стола, она не предсказала.

- Что такое? – старушка выпучила глаза так, что нависшие веки слегка отодвинулись.

- Я придумал! Придумал! – воскликнул мальчик и устремился к раковине.

Поспешно вымыв руки и вытерев их тем же полотенцем, на котором сох чак-чак, Ибрик воскликнул:

- Ба, я шас приду! Я к Абрику! Чак-чак не доедай!

С этими словами он ломанулся к выходу, быстро нацепил на себя кроссовки и со скоростью ветра понёсся в пятый дом на Зоотехнической улице...

...-Абрик! Открой! – теперь уже Ибрик, словно дикарь, долбился в дверь к товарищу. Наконец тот открыл.

- Чего надо, я мульт смотрю? – с видом человека, которого отвлекли от очень важного дела, спросил Абрик.

- Одевайся и пошли! – выпалил Ибрик.

- Куда!?

- На Египтяновскую! – раздражённо ответил кудрявый мальчик.

Абрик нахмурился и уже было хотел отказаться, как вдруг Ибрик схватил его за руку.

- Пошли уже!

Тот вздохнул и быстро натянул на себя кроссовки.

Так как здоровье Абрика не позволяло ему бегать, до жилища бабушки Фимы они шли гораздо дольше. Всё это время Ибрик переживал, что лакомство потеряет свой вкус.

Но вот кудрявый мальчик распахнул дверь шестьдесят девятой квартиры и быстро сняв обувь, вбежал на кухню.

- Ба, я вернулся!

- Где же ты был, Бричек? – поинтересовалась старушка, сидя на прежнем месте за столом.

- Я Абрика привёл! – объявил мальчик.

И как раз его лохматый и ничего не понимающий товарищ появился в проходе.

- Здравсте!

- Абрамушка! Здравсте-здравсте! – с другом внука, как и в целом со многими жителями городка, бабушка Фима была доброжелательна.

- Я хочу угостить его этим, как его... чак-чаком. – сказал Ибрик, - Ты же не против?

- Бричек, конечно нет! – доброжелательно улыбнулась бабушка.

Помыв руки, мальчики сели за стол.

- Бабушка новую сладость сготовила! Чак-чак называется! Пробуй!

- А как это есть? – спросил Абрик, тоже видевший такое лакомство впервые.

- Берёшь – и отламываешь. – с умным видом пояснил Ибрик, оторвав кусочек лакомства. Абрик поступил точно также.

- Ну как? – спросил Ибрик.

- Как вкусно! – ответил товарищ, уплетая сладость, - Мне очень нравится! Спасибо, тётя Фатима!

- На здоровье, Абрамушка! – улыбнулась старушка, её морщинистые щёки слегка порозовели.

- Жаль, в Магазине не найти такого! – дополнил Абрик.

- Вот! – с набитым ртом воскликнул Ибрик, - Для этого я тебя сюда и позвал!

- Для чего? – чёрные глаза Абрика устремились на друга.

- Ещё не понял? – Ибрик вскочил с табуретки и запрыгал по паркету. Тот начал истерически скрипеть, - Мы будем делать чак-чак и продавать!

Абрик сначала сидел молча, будто уже забыл о вчерашних попытках найти подработку, а потом вдруг восхищённо выдал:

- Ну ты голова! Точно!

Черноволосый мальчик тоже подскочил со своего места и бросился на плечи своему другу. Они обнялись и стали прыгать и кружиться, попутно выкрикивая «Будем торговать чак-чаком!».

Бабушка Фима, всё утро слушавшая сокрушения Ибрика о мучительном поиске работы, молча радовалась за товарищей.

Она не делала им замечаний о том, что их громкая радость может помешать соседям. Старушка просто молча наблюдала за мальчиками через толстые линзы своих роговых очков и вспоминала своё детство.

Порыв несдерживаемого счастья настолько захлестнул друзей, что Абрик закашлялся. Он не растерялся: быстро достал из кармана спортивных штанов свой сине-белый ингалятор и пустил себе в горло струю воздуха.

- Ты в порядке? – испугалась старушка.

Тот закивал.

На какое-то время все замолчали, и откуда-то сверху раздался соседский комментарий: «Наконец-то заткнулись!». Ибрик хихикнул.

- Надо сказать Озолиной. – нарушил молчание Абрик.

Бабушка Фима, услышав незнакомую фамилию, оживилась.

- Озолина? Это ваша подруга? – она взглянула сначала на Абрика, а потом на своего друга. Тот выпучил свои чёрные глаза и порозовел.

- Ага. – сказал за него Абрик.

- Бричек, почему ты мне не рассказывал? – поинтересовалась старушка.

- Ну... - пробормотал Ибрик, смотря в пол, - мы только недавно... с ней заобщались...

Старушка кивнула.

- Если что, мои двери для неё всегда открыты! Заходите чаще, мальчики, и приводите вашу Озолину!

Абрик вдруг начал громко и безудержно хохотать.

- Бабушка, - сменил тему Ибрик, - ты же поможешь нам в нашем деле?

- Бричек, Абрамушка, конечно! – вновь заулыбалась бабушка.

Внук подошёл к ней и раскрыл руки настолько широко, насколько мог, чтобы обнять старушку.

Абрик продолжал хохотать, в одной руке сжимая ингалятор, а другой держась за столешницу...

«ИАА»

...На следующий день, когда Ибрик и Абрик с деловитым видом направлялись к красно-белому зданию Магазина, мальчикам вдруг повстречалась идущая навстречу Озолина. Увидев товарищей, Алина тут свернула со своего маршрута и подбежала к ним. На её голове громоздилась большая фиолетовая панамка, похожая на шляпку гриба.

- Привет! – девочка суетливо замахала худенькой рукой в знак приветствия.

- Привет! – поняв, что ответили хором, мальчики дали друг другу «пять».

- Куда идёте? – поинтересовалась девочка, шмыгнув носом.

- В магазин. – ответил Абрик и протянул Алине клочок клетчатой бумаги.

Девочка увлечённо принялась читать круглый почерк бабушки Фимы:

- Молоко, сода, яйца, сахар, соль... - бормотала Алина под нос, - вы что, пирог готовить будете?

- Не пирог, а... - Абрик замялся, - Ибрик, как это твоя бабушка называла?

- Чак-чак. – ответил Ибрик, шурша жёлтым пакетом, который до появления Озолиной использовался, как парашют при прыжках с тротуара.

- Точно! – подтвердил Абрик, почесав кудлатую шевелюру под красной кепкой.

Голубые глаза девочки загорелись.

- Ого! Я просто обожаю чак-чак! Дядя частенько его из города привозит, вместе с манго-маракуйей! – Озолина заулыбалась, - Только жаль, что в местных лавках его не делают...

- Мы ведь не сказали! – спохватился Абрик и вскочил, - Мы решили торговать чак-чаком!
- Да-а-а? – восхищённо выпалила Озолина, - У нас будет свой бизнес, как круто!
- Что? – не поняли мальчики.
- Ну что-то, - Озолина стала теребить светлую косичку, - бизнес! Когда что-то сам делаешь и продаёшь... По телеку часто о нем говорят... вы что, телек не смотрите?
- Мы редко такое смотрим. – пожал плечами Абрик.
- А у нас дома нет телека. – вздохнул Ибрик.
- Голубые глаза Алины округлились.
- И кстати, бизнес, как ты говоришь - это идея Ибрика! – Абрик перевёл тему и отошёл в сторону, чтобы Алина смогла увидеть автора идеи. Тот, в свою очередь, еле заставил себя оторвать глаза от асфальта и робко взглянул на собеседницу.
- Молодец, Авин! – девочка вдруг подскочила к товарищу и похлопала его по плечу. Ибрик задрожал, как осиновый лист.
- В общем, Озолина, ты же рисуешь вроде хорошо, - отвлёк Алину Абрик, - нам нужны объявления! Накалякаешь что-нибудь?
- Обижает! – воскликнула девочка, шмыгнув носом, - У меня и бумага как раз дома завалялась! – в её голосе послышались нотки хитрости, - Куда нести?
- Да, на Египтяновскую, к бабе Фиме! – легко и непринуждённо ответил Абрик. Ибрик схватил его за руку и замычал.
- А конкретнее? – девочка наклонила голову в фиолетовой панамке.
- Как раз и узнаешь! Жди нас с бумагой здесь! А мы быстро!
- Алина кивнула и быстро побежала в обратную сторону. Когда девочка скрылась за одной из панелек, Ибрик вдруг больно шибанул товарища в бок.
- Ай! Дурак что ли?
- Это ты дурак! – оскалился Ибрик.
- Я вообще-то тебе помогаю! – обиженно надул губы Абрик.
- До Магазина они шли молча. Лишь переступив его порог, мальчики начали активно делить свои обязанности, опираясь на огрызок бумаги. Однако и здесь не обошлось без конфликтов.
- Ты пойдёшь к бабе Стеше за молоком, а я к тётке Акре за всем остальным! – решил Ибрик.
- Нет! – не согласился Абрик, - Я не пойду по лестнице! Мне противопоказано!
- На третий же как-то поднимаешься, а на второй тем более подняться сможешь! – возмутился Ибрик.
- Тебе что, подняться сложно? – закатил глаза Абрик, - Ну, увидит тебя мама, и что?
- Эй! – при упоминании матери на лбу Ибрика выступил пот, - Я вообще-то тебе облегчаю задачу!
- Ага, очень легко будет нести мне несколько литров молока! – повысил голос Абрик.
- Вопрос решила игра «камень, ножницы, бумага». Обездоленному Абрику всё-таки выпала участь подниматься за молоком, однако с жёлтым пакетом в руках. Ибрик же направился в бакалею.
- Озолина прождала пять минут, прежде чем на горизонте показались товарищи, которые разделили ношу жёлтого пакета на двоих.
- Наконец-то! – сказала она, подняв с травы свёрнутый в трубочку лист бумаги, составивший половину её роста, - Ведите!
- Да тут недалеко, через дом. – пояснил Ибрик, окинув удивлённым взглядом бумагу. Бабушка Фима была безумно рада видеть Алину и с порога засыпала её вопросами.
- Ба, дай человеку пройти! – сказал Ибрик, ставя на ковёр жёлтый пакет с покупками.

К всеобщему удивлению, старушка совершенно без напряжения подняла груз и понесла его на кухню.

- Врёшь, - шепнул Абрик на ухо товарищу, - ей не восемьдесят девять!

- Куда положить бумагу? – спросила Алина, снимая сандалии и шмыгая носом.

- Да в комнату неси. – ответил Ибрик как можно спокойнее и направился в ванную.

Там мальчик, смотря на себя в зеркало, запрыгал от счастья.

- Да не за что! – в дверном проёме появилось ухмыляющееся лицо Абрика.

- Ну что же, дети, - обратилась к друзьям бабушка Фима, когда все трое с помытыми руками стояли на кухне, - вы знаете, за что берётесь? Теперь раз в несколько дней мы с вами будем готовить чак-чак. Сегодня я всё покажу, а к следующему разу вы сами всё запомните. Это совсем не сложно. Для начала нужно замешать тесто.

Бабушка Фима села за стол и в большой и глубокой миске начала взбивать яйца с солью и сахаром, затем залила всё это молоком и засыпала содой. Потом, достав из столешницы старое сито, которое чудом ещё не развалилось, просеяла муку.

Трое внимательно наблюдали за всеми действиями старушки, стараясь сразу же всё запомнить.

Смешав все ингредиенты, бабушка Фима вывалила загустевший ком теста на клеёнку и начала активно его разминать и раскатывать скалкой. Затем Ибрику было велено поставить кипятиться масло во всё той же глубокой сковороде.

Дополнительно посыпав комок теста мукой, старушка окончательно раскатала его скалкой. Теперь на столе будто лежало огромное плоское солнце, ароматно пахнущее мёдом. Бабушка ловко сложила тесто гармошкой и начала всячески его нарезать, разворачивая и поворачивая в разные стороны. Она усердно делала это, пока вместо лепёшки на клеёнке не появилось множество продолговатых кусочков.

Наказав детям смешивать мёд с сахаром, бабушка Фима стала высыпать палочки в пузырящееся масло, а Ибрик подбежал и принялся это всё размешивать. Старушка хотела забрать у него лопатку, однако не сделала этого, а стала лишь внимательно наблюдать за действиями внука. Позже Алина поднесла к плите сотейник с мёдом и сахаром – он тоже был поставлен на огонь. Ибрик кинул короткий взгляд на девочку.

Когда всё было готово, бабушка Фаина полила чак-чак мёдом, тщательно всё перемешала и с помощью большой лопатки начала выкладывать вкуснятину на деревянную доску, предусмотрительно поданную Ибриком.

Алина, впервые попав в квартиру к старушке, стала внимательно оглядывать кухонный интерьер. По сравнению с домом Ибрика, здесь всё кишело изобилием: деревянные навесные шкафы были заставлены кружками, мисками и тарелками, в серванте стояли старинные хрустальные бокалы, а в тумбочках находилось несколько разных сковородок. Было видно, что бабушка Фима очень любила готовить, и несмотря на возраст, у неё это прекрасно и легко получалось.

Но больше всего Озолину заинтересовала коллекция магнитов на облезшем холодильнике: она была скромной, но очень красочной. Там было несколько ярких горных закатов, зайчик и медвежонок, две ярко-красных звезды, и наконец, нарисованный солдатик в коричневом мундире, имеющий комичное, но милое выражение лица. Взглянув на него, девочка усмехнулась.

- Что, нравится? – спросила бабушка Фима, - забирай!

- Нет, спасибо, не нужно! – смутилась Алина, - просто посмотрела!

- Бричек, покажи-ка её кассеты мои что ли! – посмотрев на внука, старушка улыбнулась и сощурила и без того почти невидимые между морщинами глаза.

Ибрик замялся.

- Ого! Давай! – воскликнула девочка, и мальчику больше ничего не оставалось делать, как провести её в комнату.

Увидев поверх остальных кассет небранного «Героя», Озолина очень обрадовалась.

- Ого! Ты тоже его смотрел?

- Ну да... - пробормотал Ибрик, удивлённо взглянув на девочку исподлобья. Он не думал, что Алине бы понравилось подобное.

- О-о-о, как круто! А кто тебе нравится? – глаза девочки загорелись.

До мальчика дошло не сразу, что вопрос был задан о фильме. Когда же Ибрик это осознал, он шлёпнул свой вспотевший лоб ладонью.

- Мне... Да... Главный герой...

- О! – вновь воскликнула Озолина, - я тоже так сильно его люблю! Какой-же он всё-таки классный! Несмотря на тяжёлую судьбу, он смог спастись! И преодолел столько мучений... - девочка понизила тон.

- Можете идти! – голос бабушки Фимы заставил их обоих подорваться с места и устремиться на кухню, где на столе их ждало в несколько раз больше порций, чем вчера было приготовлено Ибрику.

Абрик по-турецки восседал на старой табуретке, уже фасуя лакомство по пакетикам и параллельно деловито отщипывая себе по кусочку.

Часть лакомства дети решили съесть – бабушка Фима ни в чём их не ограничивала.

- М-м-м! – воскликнула Озолина, прожевывая вкусность, - свежий домашний чак-чак гораздо вкуснее покупного!

- Кушайте, детки! – ответила бабушка Фима, убрав ото лба седую кудряшку.

После приёма пищи друзья отправились в комнату – рисовать объявление. Точнее, рисовать должна была только Озолина, а мальчики стали искать фломастеры, обыскивая все деревянные ящики. Собрав почти целый набор, они отнесли трофей художнице.

- Откуда у тебя такая большая бумага? – поинтересовался Абрик, садясь на ковёр.

Вместо ответа Алина громко вдохнула и развернула свёрток. Мальчики разинули рты и ахнули.

Вместо ожидаемого пустого белого листа детям предстала большая, нет, даже огромная карта Поволжья.

- Алина... Что это, блин, такое? – произнёс Ибрик, напрочь позабыв о стеснении.

- Откуда это у тебя? – спросил Абрик, изумлённо почесав лохматый затылок.

- Это не моё. – невозмутимо ответила девочка, шмыгнув носом.

- Ты что, украла её!? – прошептали мальчики одновременно, - Лучше верни! У нас – честный бизнес!

- Да забейте! – махнула рукой Озолина, - это братца моего. Он этой географией, словно белой горячкой болеет! Помогите лучше перевернуть!

- А твой брат точно не будет против? – заколебался Ибрик.

- Новую купит! Больно нужно ему это... Поволжье! Нам нужнее! – отрезала Алина.

Друзья перевернули географическую карту. Теперь перед ними уже лежал требуемый белый лист, однако увидев обратную сторону, мальчики всё ещё были напряжены.

- Успокойтесь! – девочка взяла фиолетовый фломастер, - лучше подумайте, как бренд наш называться будет!

- Что? – мальчики переглянулись.

- Ну, мы же серьёзная компания! Нам нужно имя!

- Хм... - Абрик нахмурил чёрные брови, вспоминая всё, что он слышал по телевизору о названиях успешных контор, - многие продавцы называют компании своими инициалами! Давайте и мы! Ибрик, Абрик, Алина... ИАА! – воскликнул мальчик, будто открыл физический закон.

- Иа-а-а! – передразнил друга Ибрик, - будто осёл кричит! Иа-а-а-а!
- Юшкевич, в нашем городишке ослов не водится! – вставила Алина.
- Теперь будут! Нас так лучше запомнят! – возразил Абрик.
- Да? Как ослов! – закатил глаза Ибрик.

На троих друзей вдруг обрушилось самое настоящее цунами смеха, однако бабушка Фима, в тот момент наблюдавшая за ними из дверного проёма, не стала прерывать детское счастье. Старушка верила в то, что смех продлевает жизнь, однако на собственный сил уже хватало редко.

Спустя ещё несколько минут активной мозговой деятельности товарищи поняли, что ничего, кроме «ИАА» к ним на ум не приходит, поэтому на самом верху листа Озолина крупными фиолетовыми буквами вывела это неординарное название для «конторы», торгующей чак-чаком.

Дальше перевёрнутую географическую карту заполнили огромные жёлтые буквы «ЧАК-ЧАК», однако Абрик тут же справедливо заметил, что издали их будет не видно, поэтому Алине пришлось изловчиться сверху обвести уже существующий текст оранжевым фломастером.

- Что бы ещё добавить? – задумалась девочка, шмыгнув носом.
- Пчёлка. – предложил Ибрик.
- Точно! – Озолина оживилась, и мальчик не смог сдержать улыбку.

Девочка начала вырисовывать на листе пчёл – они у неё даже близко не походили на настоящих, зато были очень милые. Не найдя чёрного или коричневого маркера, Озолина сделала им фиолетовые полоски. Добавив звёздочек и завитушек, Алина вскочила на диван и посмотрела на плакат сверху.

- Какова красота! – похвалила девочка сама себя.

- Отлично! Побежали! – вдруг заволновался Абрик и пошёл на кухню, - вдруг у нашей прекрасной компании найдутся конкуренты!

Ибрик и Алина остались одни. В комнате стало тихо.

- Очень... красиво... - прошептал мальчик, подняв чёрные глаза на Озолину.

Та смущённо улыбнулась и ответила: «Спасибо».

- Пошлите! – скомандовал резко вернувшийся Абрик. В руке его была коробка с завернутыми в целлофановые пакетики порциями чак-чака.

Ибрик помог Алине свернуть плакат в трубочку. Теперь карта Поволжья была выставлена на показ.

Перед тем, как расположиться на Зоотехнической, трое решили заскочить за мороженым к бабе Присе, и заодно похвастаться старушке, что открывают собственный ларёк.

Однако дети не догадывались, какое зрелище их там ожидало...

Баба Прися и её муж дед Руслан растерянно стояли около облезлого ларька. Товарищи сначала не поверили своим глазам, однако подходя всё ближе к постройке, они убеждались, что, к сожалению, увидели всё правильно. Окно ларька с мороженым в нескольких местах было пробито камнями: от сквозных дырок по стеклу жутко, словно щупальца, расползались трещины.

Дети с огромными глазами подбежали к старикам и тут же вразнобой начали галдеть, пытаясь выяснить, что произошло.

- Да тише вы! Присе и так плохо! – хриплым голосом прервал их дед Руслан.

Баба Прися обернулась, и товарищи пришли в ужас: они никогда не видели продавщицу такой несчастной. Бледные губы старушки были плотно сомкнуты. Седые брови стремились прижаться друг к другу. Толстые морщинистые руки непрерывно тряслись. В поблекших глазах стояли слёзы, которые так и норовили покатиться по похолодевшим щекам. Во взгляде бабы Приси томилось безграничное и невыносимое отчаяние.

- Что случилось? – осмелился спросить Ибрик, проглотив ком в горле.

- Гареев всё это! – старушка залилась слезами и чуть было не упала, однако дед Руслан успел её подхватить, – Пришёл и говорит: отдавай ларёк! Я, конечно, отказываю ему, а он угрожает: отдавай, а то убью! Ну я, понятное дело, верить ему не стала, послала куда подальше, а он как начал камнями закидывать! Чуть меня не порезал этими стёклами!

На лбу и спине Ибрика выступил холодный пот. Алина всхлипнула. Абрик выпустил из рук коробку с чак-чаком.

- Мой ларёк! Мой любимый ларёк! – продолжала выть старушка, уткнувшись в грудь мужу, – Пропал-а-ал!

Тимур Гареев, неизвестно как доучившийся до одиннадцатого класса, являлся грозой всего городишка. Он был рослый, широкоплечий и имел гладковыбритую голову, по форме напоминающую перевёрнутое яйцо. Его серые глаза всегда были грозно прищурены, желтоватые зубы – стиснуты, а огромные кулаки – крепко сжаты. Тимур ходил по улицам, разбрасывая ноги в стороны и постоянно одергивая карманы отцовской гавайской рубашки. Самого законного обладателя никто в городишке никогда не видел.

Ибрик, когда был гораздо младше, думал, что Гареев на самом деле адекватный парень, просто страдающий от скуки. Но стоило мальчику всего раз пересечься с хулиганом в школьной раздевалке, как все надежды на благоразумие последнего разбились о холодный кафельный пол. Прямо, как и губа несчастной жертвы.

- Вот же ж гопник гавайский! – выкрикнула баба Прися.

Деду Руслану надоело смотреть на троих стоящих столбами детей, и он сказал:

- Идите, чего вам ещё надо?

Ибрик вострепнулся, нагнулся к коробке, валявшейся на земле и достал оттуда порцию чак-чака.

- Сами сделали. Попробуйте.

Дед Руслан молча взял лакомство.

Под слёзный вой бабы Приси дети направились обратно на Зоотехническую.

К пустому ларьку они подошли совсем без энтузиазма.

- А может, не надо нам всем этим заниматься? – поник Абрик, сев на траву.

- Ты чего? – попытался приободрить друга Ибрик, – Нельзя сдаваться! Вместе мы справимся!

В ответ Абрик лишь вздохнул и зарылся смуглым лицом в колени.

- Авин, помоги объявление повесить. – слышался голос Алины.

Мальчик смущённо приподнялся с земли и подошёл к Озолиной, чтобы придержать большой плакат, на обратной стороне которого скрывалась географическая карта. Девочка ловко прилепила по краям синюю изоленту.

Абрик в это время резко отворил дверь с задней стороны ларька, тут же закашлялся и отпрыгнул куда подальше.

- А-ай, что за вонища! – вскрикнул он.

Ибрик и Алина тут же подбежали ко входу и поморщились: ларёк был настолько прокурен, что внутри невозможно было находиться без противогаза. Полусгнивший пол был усыпан бесчисленным количеством сигарет.

- Неужто дядя Филя это сделал? – ошеломлённо пробормотал Ибрик.

- Это всё Тимур и его «команда»! – с досадой ответил Абрик, вытащив изо рта ингалятор, – я вчера вечером их здесь видел!

- Разойдись! – крикнул Ибрик, и задержав дыхание, вдруг вбежал в ларёк.

Поражённая храбростью мальчика Озолина ойкнула от неожиданности и шмыгнула носом.

Подхватив с пола ещё заранее заprimeченный лохматый веник, кудрявый мальчик в срочном порядке принялся выметать из ларька недокуренные сигареты.

Кое-как управившись за минуту, Ибрик, словно метеор выскочил из злополучной постройке, которую совершенно просто можно было использовать для удушения врагов.

Озолина, порывшись в карманах джинсовых шорт, достала оттуда пластиковый флакон размером с мизинец и поспешно распылила половину содержимого в покосившийся дверной проём.

- Заче-е-ем? – взвыл Абрик, - Оно же ещё сильнее вонять буде-е-е-т!

- Юшкевич, успокойся! – скомандовала Алина, - Нечего сопли распускать! На бревне сядем и будем торговать!

- Да, нельзя расслабляться, - подтвердил Ибрик, - вечер не за горами... Нужно продать хотя бы половину!

- Кстати, за сколько? – вдруг спросил Абрик.

- Рублей за... тридцать? – предположила Озолина.

- Почти, как мороженое? Это же национальная сладость! – Абрик важно задрал вверх горбатый нос, будто не узнал о чак-чаке только вчера.

- Нормально! – заверила Озолина, шмыгнув носом, - залог успешного бизнеса – маленькая стартовая цена!

- Откуда ты всё это знаешь? – буркнул Абрик.

- Отец частенько по вечерам на телеке включает... - ответила Алина.

Трое дружно устроились на бревне перед ларьком. Абрик сел посередине, водрузив себе на колени коробку с чак-чаком.

Компания просидела так битые полчаса, и как на зло, около ларька не прошёл даже дворовый кот. Абрик вдруг вскочил с бревна и крикнул с досадой:

- Довольно! Так о нас никто и не узнает!

- И что ты предлагаешь делать? – спросил Ибрик.

- Надо объявить о себе! Кто пойдёт звать покупателей?

Алина молча посмотрела на Ибрика. Тот уткнулся глазами в вытопанную траву.

- Желающих нет? Тогда пойду я! – объявил Абрик.

Ибрик резко поднял голову и посмотрел на друга так, будто тот стал самым настоящим предателем.

Абрик посмотрел на мальчика смеющимися глазами и направился к одной из панелек. Через какое-то время до Ибрика и Алины донёсся его крик: «Отведайте вкусного чак-чака собственного производства компании «ИАА»! Только в ларьке на Зоотехнической!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.